

Юлия Шкурко (Нижний Новгород, Россия)

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НЕСОИЗМЕРИМОСТЬ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ И ФУТУРОЛОГИИ

Стало уже общим местом, говоря о творчестве французского писателя Жюль Верна, указывать на его точные предсказания технических новшеств. Подводная лодка, самолет, вертолет, буровая техника, ракета и полеты в космос – вот далеко не полный перечень тех изобретений, сегодня ставших обыденностью, которые впервые были описаны в его произведениях. Ж. Верн, конечно, не единственный писатель, который отличился своими предсказаниями. При желании в любом научно-фантастическом произведении можно отыскать описания будущего науки, техники и общества. Другое дело – далеко не все из предсказанного писателями-фантастами (это, на верное, и хорошо), впоследствии воплощается в жизнь.

Научная фантастика схожа с футурологией именно в описании будущего состояния общества, рассматриваемого в связи с развитием науки и техники. На это обстоятельство неоднократно указывали как сами футурологи, так и писатели-фантасты. Однако, несмотря на очевидную предметную связь, дальше взаимной симпатии дело так и не пошло. Футурологи всерьез не воспринимают «прогнозы» писателей-фантастов, хотя порой и упоминают их в своих работах. А претензии отдельных писателей (к их чести не очень многочисленные) на статус оракула, в большинстве своем, остаются без внимания со стороны профессионального сообщества.

При одинаковом предмете изучения/размышления научная фантастика и футурология обладают различными социологическими характеристиками, которые делают их несоизмеримыми, что во многом и объясняет, почему представители этих областей не взаимодействуют друг с другом в прогностических целях.

Основной задачей научного прогнозирования является предвидение будущего. То, насколько точны такие прогнозы, напрямую зависит как от мастерства прогнозиста, так и от применяемых им методов. Писатель, как правило, не пользуется никакими научными методами, описывая фантастическое будущее. Опираясь на собственный жизненный опыт и на свои знания, он интуитивно описы-

вает будущее. От футуролога ожидают (научное сообщество, правительственные органы, бизнес-корпорации и пр.), что он даст точные ответы на конкретные вопросы относительно развития событий в будущем, разработает точный прогноз. От писателя ожидают (читатели), что он ярко и художественно опишет будущее, при этом никто от него не ждет точного прогноза развития событий. Спрос с писателя и с футуролога различен. Различный заказ. Писатель рискует своей литературной репутацией, тогда как футуролог на кон ставит свое научное будущее.

Социологические особенности научной фантастики и футурологии

Параметры для сравнения	Научная фантастика (в «жесткой» форме)	Футурология (научно-технологическое и социальное прогнозирование)
Цель	Описание литературными средствами будущего состояния общества, науки и техники	Прогноз развития событий
Средства	Интуиция и экстраполяция	Один (или несколько) методов прогнозирования
Потребители	Читатели из разных социальных слоев	Целевые аудитории (правительственные органы, экспертные сообщества, корпорации, научное сообщество и т. д.)
Сфера использования	В образовательных релаксационных и познавательных целях	Для принятия решений на разных уровнях
Критерии оценки	Литературные	Научные
Форма представления	Литературное произведение	Отчет, доклад, монография
«Причина» (заказ) появления на свет	Желание изложить свое видение будущего	Заказ со стороны целевой аудитории

Мы видим, насколько различны социологические характеристики научной фантастики и футурологии. Они по-разному реализуют одну и ту же прогностическую функцию: писатели и футурологи в разной форме представляют свой прогноз, у них разные аудитории, научная фантастика и футурология воспринимаются как источник различной информации и, соответственно, прогнозы фантастов и футурологов по-разному используются.

Прогноз, сделанный С. Лемом, появляется в форме научно-фантастического произведения и публикуется тиражом несколько тысяч экземпляров. Тогда как прогнозный отчет футуролога (группы прогнозистов или «фабрики мысли») имеет, как правило, меньший тираж и другую целевую группу (правительственные органы, бизнес-корпорации и проч.). Аудитория Лема другая. В нее входят люди из разных слоев населения (возможно, и те, кто входит в целевую группу футурологов). Различны цели, с которыми делаются прогнозы. Писатель, в конечном счете, отдает себе отчет в том, что широкое воздействие на развитие событий, если и возможно, то только косвенно. Футуролог делает свой прогноз, рассчитывая на то, что он будет учтен теми, кто формирует политику в области развития общества, науки и техники.

Оправдан ли вопрос, который периодически поднимается на страницах прогностической литературы о потенциальной пригодности научной фантастики для целей прогнозирования¹? Несмотря на очевидные отличия научной фантастики и футурологии, ответ на данный вопрос положительный. Однако было бы неоправданным ставить на одну планку научную фантастику и научно-технологическое прогнозирование в силу их очевидной (теоретической, методологической и социологической) несоизмеримости. Поэтому нет никаких оснований рассматривать научную фантастику как единственный источник футурологической информации и самостоятельный метод

¹ Например, в классической работе по прогнозированию американца Эриха Янча, посвященной описанию методов и специфики научно-технологического прогнозирования [4], научная фантастика отнесена к разряду одного из методов прогнозирования. При этом сказано: научная фантастика «потенциально отчасти полезна» для целей «высокого уровня (национальные, социальные и т. д.)», однако как метод «не апробирован» [4, С. 152]. Янч написал так почти полвека назад. До сих пор остается не ясным, каким образом можно использовать научную фантастику в футурологии – нам неизвестны специальные исследования, посвященные данному вопросу. В современных работах по прогнозированию все ограничивается упоминанием научной фантастики в качестве потенциального источника прогнозного знания и собственно одной из первых форм технологического прогнозирования [См., напр., 1].

исследования будущего, с использованием которого можно сделать прогноз. Наиболее оправданным способом применения научной фантастики (с точки зрения научной эффективности) является привлечение фантастов в качестве экспертов при разработке сверхдолгосрочного поискового прогноза (на 50 и более лет). Возможен вариант использования уже готовых научно-фантастических произведений в качестве сценариев в прогнозировании.

Собственно говоря, опыт привлечения писателей-фантастов для целей сверхдолгосрочного прогнозирования уже имеется. Так, в знаменитом прогнозе американской корпорации РЭНД, который был сделан в 1964 году, в качестве экспертов были приглашены несколько американских писателей (А. Кларк, А. Азимов и др.). Неизвестно, насколько их мнения и оценки оказали влияние на точность данного прогноза, однако, сегодня уже сбылась почти половина предсказанного экспертами в данном прогнозе...

Впоследствии писатели-фантасты (правда, не слишком часто) приглашались для экспертной оценки будущего состояния общества. Как правило, это происходило с подачи СМИ. Наиболее известны в этом отношении футурологические эссе и интервью С. Лема, А. Кларка и А. Азимова. Наряду с Ж. Верном и Г. Уэллсом, они являются и наиболее цитируемыми в футурологии. Все перечисленные авторы рассматривали прогноз в области развития науки и техники в качестве основной задачи при написании большинства своих произведений, которые, конечно, сразу же переставали быть только таковыми, превращаясь в межкультурный феномен на стыке науки и литературы.

Писатели своими научно-фантастическими работами способствуют созданию определенной информационной среды, в которой фантастические идеи как будто становятся нормой. А, как хорошо известно, если какая-то возможность признается в качестве реальной (пусть только в литературном или медийном формате), то мы оказываемся подготовленными к ее реализации в действительности. Таким путем разрушается психологический барьер, затрудняющий поиск в «запрещенной» нынешним состоянием науки области. Подобный феномен был обыгран и в научной фантастике, например, в рассказе американца Р. Ф. Джоунса «Уровень шума» (1952) [2]. Однако проследить связь (влияние) между научно-фантастическими

идеями и изобретениями, открытиями ученых практически невозможно. Поэтому было бы ошибкой говорить, что именно «изобретение» спутника Артуром Кларком привело конструкторов к мысли создать данный космический аппарат в реальности. Таких прямых влияний, наверное, и нет.

Возможно, скептики вообще усомнятся в правомерности сравнения, которое мы проводим выше. Наука (футурология) и ненаука (литература) – можно ли их сравнивать? Между ними нет общего пространства, позволяющего корректно провести сравнение. Однако применительно к научной фантастике это не совсем так. Действительно, научная фантастика делается по другим правилам, чем научный прогноз. Если применять к этой области язык науки, то можно заметить, что в основе фантастического описания будущего лежат метод интуиции (который является основой экспертного метода) и экстраполяции (продолжение наблюдаемых сегодня тенденций в будущее). Интуиция, позволяющая выйти за рамки экстраполяции и предсказать (почувствовать) принципиальные открытия в области науки и техники, и, тем более, метод экстраполяции применяются в научном прогнозировании. Понятно, что в отличие от футурологов, никто из фантастов строго и методично не выстраивает экстраполяционные кривые на основе анализа большого количества закономерностей, которыми характеризуется развитие конкретной технологии. Скорее и этот процесс тоже протекает в интуитивной форме. А что касается интуиции, то она есть как у ученого, который привлекается в качестве эксперта для создания научного прогноза, так и у писателя. Вот только кто из них окажется более прозорливым?..

Важно помнить и о таком моменте. Область научно-фантастического «прогнозирования» крайне разнородна. Среди писателей-фантастов, действительно, есть те, кто занимает промежуточное положение между футурологией и научной фантастикой. Наиболее ярким примером таких фантастов-футурологов последних лет являются упомянутые выше писатели – Артур Кларк, Айзик Азимов и Станислав Лем. Помимо собственно литературных произведений, в которых раскрываются тайны будущего и проигрываются варианты этого будущего, все они создали специализированные работы футурологического характера: «Черты будущего» (А. Кларк), «20 июля 2019 года. Жизнь в XXI веке» (А. Кларк), «Сумма техноло-

гии» (Ст. Лем), «Прогноз развития биологии на 2040 год» (Ст. Лем) и др. Всех этих авторов мы относим к первому типу писателей – фантастам-футурологам. Их основные особенности таковы:

- они претендуют на то, чтобы их научно-фантастический прогноз по статусу и значимости был приравнен к научному прогнозу;²
- им свойственна точность в оценке сроков осуществления того или иного прогноза, которые в их произведениях четко датированы;
- в их произведениях подробно описывается научное или технологическое новшество и его социальные последствия;
- в создаваемых ими произведениях литературный антураж является второстепенным, главное – описание будущего.

Второй тип писателей-фантастов, работающих в жанре научной фантастики, это те писатели, которые;

- всячески предостерегают критиков от рассмотрения их литературных произведений в качестве прогнозов;
- оценивают свои работы по литературной, а не по футурологической шкале; иными словами, для них самих значение имеет литературная и культурологическая ценность произведения, а не его научно-прогностический эффект;
- основным считают не точное описание фантастической научно-технологической идеи, а решение литературных задач, которые в силу профессии решает любой писатель, в каком бы жанре он не работал: ясное изложение замысла произведения оптимальными литературными средствами;
- используют фантастические (прогностические) идеи в качестве антуража.

Несмотря на то, что «прогнозы» содержатся в произведениях как первых, так и вторых писателей, если и имеет смысл ставить вопрос об использовании научно-фантастических прогнозов в футурологии, то его нужно относить к произведениям писателей только первого типа, которых мы называли фантастами-футурологами. Разумеется, никто не спорит с тем, что и в произведениях писателей второго типа – просто фантастов, можно найти массу интересных фантастических

² В этом отношении очень показательны последние работы С. Лема (например, «Тайна китайской комнаты» [3]), в которых он подводит итог своему творчеству и оценивает его отнюдь не с точки зрения вклада в развитие мировой литературы, а с позиции футуролога, говоря о том, что уже сбылось, а что только сбывается.

идей относительно будущего состояния науки, техники и общества, а некоторые из них находят свое воплощение в будущем. Однако такие фантастические произведения, в которых прогноз является чем-то случайным, побочным и неосновным, ничем не отличаются от «прогнозов», которыми пестрят СМИ, и они не выходят за рамки обывательских фантазий. Анализ всевозможных прогнозов и ожиданий, которые присутствуют в общественном сознании, безусловно, интереснейшая социологическая задача. Однако она имеет самостоятельное значение, и совершенно очевидно, что такие прогнозы не обладают тем же прогностическим потенциалом, что и научные прогнозы! То же самое можно сказать и о научной фантастике.

Научная фантастика (отдельные ее произведения) сегодня нередко помещается в футурологический контекст. Никто из футурологов, конечно, не рассматривает прогнозы фантастов в качестве серьезных прогнозных разработок, да, и в силу их создания писателями-фантастами, к ним и не применяются научные мерки оценки качества интеллектуальной продукции. Использование (присутствие) таких фантастических прогнозов в контексте футурологии и футурологических работах – скорее игровой момент: попытка показать всю сложность прогнозирования отдаленного будущего, что легко достигается посредством описания фантастических перспектив, о которых говорят фантасты и которые не всегда легко вывести из текущего уровня развития науки и техники. Это прогнозы «скачков» в развитии науки и техники. Они удивляют, поражают воображение, а порой и сбываются! Когда это происходит, то и возникает эффект футурологического плацебо – формируется в футурологии, а особенно среди читателей, вера в способность писателей литературными средствами предсказывать будущее.

Несмотря на то, что при сравнении научно-фантастических сценариев и научных прогнозов перевес по числу предсказанных и сбывшихся научно-технических прорывов на стороне науки, единичные сбывшиеся фантастические прогнозы настолько поражают воображение (наука не смогла предсказать то, что предсказали фантасты!), что вольно или невольно за научной фантастикой закрепляется репутация прогностического жанра литературы. Вклад в создание такой репутации вносят как сами писатели, фантазирующие на разные темы будущего состояния общества, так и футурологи и ученые,

которые задним числом ссылаются на прогнозы фантастов, которые они сами просмотрели!

Однако никто из футурологов методичным и систематическим образом не использует научную фантастику в футурологических разработках. Да это, наверное, и нецелесообразно – неоправданно с точки зрения затрат на обработку научно-фантастических текстов в сопоставлении с туманными перспективами, которые открываются при инкорпорировании фантастических идей в научные прогнозы. Научная фантастика, которая как будто строится как фантазия на тему развития в области науки и техники, не выполняет прогностическую функцию. Предсказывая время от времени будущее, она мало кем рассматривается как источник прогнозной информации.

Получается, что знание о будущем содержится в разных информационном сегментах общества, в том числе, и в научно-фантастической литературе. Задним числом проводится оценка прогностического потенциала научной фантастики. И тогда сами писатели-фантасты начинают претендовать на статус оракула, а отдельные футурологи, отдавая должное их фантазии, упоминают их прогнозы и их имена в своих прогнозных разработках. Несмотря на это, научная фантастика не является источником основательной прогнозной информации для научного прогнозирования. Да – она раскрепощает мышление, подталкивает читателей (в том числе и представителей исследовательского сообщества) к определенным решениям, является важным фоновым элементом, который оказывает определенное воздействие на те картины будущего, которые «присутствуют» в массовом сознании. Она создает определенное умонастроение в обществе. И, как элемент информационного фона, она должна учитываться в прогнозировании, если только это оказывается оправданным с точки зрения процедуры разработки прогноза. Кроме того, как мы уже отмечали, научная фантастика как элемент информационной среды, один из многих источников, из которого ученый черпает информацию, вносит свою лепту в тот багаж знания, с которым он приступает к своей профессиональной работе. Самым адекватным способом использования научной фантастики в прогнозировании является приглашение фантастов-футурологов для работы в качестве экспертов или для написания сценариев будущего.

Несмотря на отмеченную несоизмеримость научной фантастики и футурологии, остается непроясненным такой момент: представим себе, что Станислав Лем и некий футуролог X в один и тот же год делают свой прогноз относительно развития интеллектуальных технологий. Прогноз этот, по сути, одинаков. Прогноз сбылся. Кто – профессиональный футуролог или профессиональный писатель – может претендовать на пальму первенства в предсказании будущего? И как понять, чей прогноз осуществился?..

Список использованной литературы:

1. Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А. Социальное прогнозирование. Курс лекций. М.: Педагогическое общество России, 2002.
2. Джоунс Р. Ф. Уровень шума // Американская фантастика: В 2 т. Т.1 / Пер. с англ.; Сост., вступ. Ст. Е. Парнова. М. ТЕРРА, 1997, С. 314–345.
3. Лем С. Тайна китайской комнаты // Лем С. Молох. М.: АСТ: Транзит-книга, 2005.
4. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса / Пер. с англ. и общ. редакция Д. М. Гвишиани. М.: Изд.-во «Прогресс», 1974.